

гедии безвинно осужденного брата? Даже если и не хотел, он несет за это ответственность. Потому что именно он создал то теоретическое обоснование, которому последовал Смердяков. Потому что четкая схема, которая была задумана Иваном и реализована Смердяковым, стала той формой, в которую неизбежно вылился и застыл в виде приговора хаос, который поднял вокруг себя Митенька.

5. Парадокс судьи

Главка из поучений старца Зосимы «Можно ли быть судьей себе подобных? О вере до конца» начинается словами, которые я назову «парадоксом судьи»: «Помни особенно, что не можешь ничьим судьей быть. Ибо не может быть на земле судья преступника, прежде чем сам сей судья не познает, что и он такой же точно преступник, как и стоящий пред ним, и что он-то за преступление стоящего пред ним, может, прежде всех и виноват. Когда же постигнет сие, то возможет стать и судьей. Как ни безумно на вид, но правда сие» (т. 9, стр. 360).

Рассмотрим еще раз «Парадокс лжеца». Высказыванию «Я лгу» нельзя разумно приписать значение «ложь» или «истина». Пусть это высказывание истинно. Тогда — оно ложно, поскольку утверждает именно собственную ложь. Пусть оно — ложно, тогда оно истинно, поскольку утверждает отрицание собственной ложности. Это классический пример парадоксального утверждения.

Теперь рассмотрим высказывание «Я виновен» — центральное для парадокса судьи, где признание собственной вины — необходимое и достаточное условие для того, чтобы судить других. Высказывание «Я виновен» — также парадоксально с точки зрения деонтической логики (или логики норм).

Деонтическая логика принадлежит к одному из вариантов модальной логики и строится по аналогии с традиционными Аристотелевыми модальностями (алетическими): возможно, невозможно и необходимо¹⁷.

В логике норм рассматриваются деонтические модальности: «позволено» (P), что соответствует алетической — «возможно»; «запрещено» (F), что соответствует алетической — «невозможно»; и «обязательно» (O), что соответствует алетической — «необходимо». Модальности *позволено*, *запрещено* и *обязательно* являются взаимно-определимыми логическими операторами. Так запрещение является отрицанием позволения, или в принятых нами обозначениях: $F = \text{не } P$, где «не» используется как знак логического отрицания, а знак «= \Rightarrow » используется как знак логической эквивалентности.

Рассмотрим высказывание «Я виновен» с точки зрения деонтической логики. Высказывание «Я виновен» классифицирует некоторое совершённое (или совершаемое) мною действие как запрещенное. Но я не могу совершить действие, которое я себе совершать запрещаю. Я вполне могу совершить действие, которое мне запрещает другой (другие), — например, закон или правила общественного поведения, но не то действие, которое я запретил себе. Совершая некоторое действие, я тем самым отменяю собственный запрет (даже если он и был у меня). Высказывание «Я виновен» классифицирует некоторое действие как формально запрещенное и одновременно содержательно дозволенное. Но это невозможно, так как запрещение является отрицанием позволения. Высказывание «Я виновен» имеет тот же парадоксальный характер, что и «Я лгу». В обоих парадоксах проблема состоит в том, что запрет и позволение (или истинность и ложность) сходятся как бы на диагонали — в точке «Я», и нормальные логические законы перестают работать.

¹⁷ Здесь и далее я следую изложению классика деонтической логики Георга Хенрика фон Вригта в его работе «О логике норм и действий» (Вригт Г.-Х. фон. Логико-философские исследования. Избранные труды. Перевод с английского. М., «Прогресс», 1986, стр. 246 — 247).